

<http://bibliofond.ru/view.aspx?id=31834>

Тема: Особенности отображения действительности 20х-30х г.г. в сатирических рассказах Михаила Зощенко.

Самара, 2005
Содержание.

Введение	3
Глава 1. Художественный мир Михаила Зощенко.	
1.1. Образ рассказчика и позиция автора.....	4
1.2. Тематика и проблематика рассказов	7
1.3. Двадцатые годы глазами героев Михаила Зощенко	10
Глава 2. Художественное своеобразие рассказов Михаила Зощенко.	
2.1. Особенности механизма смешного в творчестве писателя.....	13
2.2. Роль предметной детали в показе ущербности отношений между мужчиной и женщиной.....	15
2.3. Языковые особенности рассказов	19
Заключение	20
Библиография	21
Приложение За что осудили М. Зощенко.	22
Введение	
Актуальность.	

Произведения Михаила Зощенко современны своей проблематикой и системой образов. Писатель беззаветно любил свою страну и поэтому болел душой за всё, что происходило в ней в послереволюционные годы. Сатира Зощенко направлена против пороков общества: мещанства, обывательщины, социального чванства, бескультурья, воинствующей безграмотности, примитивности мышления.

Некоторые сюжеты рассказов в какой-то мере повторяются в современной жизни. Именно это делает рассказы актуальными в настоящее время.

Проблема исследования.

Автор данной работы рассмотрел следующие проблемы: образ рассказчика и позицию автора в сатирических рассказах М. Зощенко 20-30-х гг., видение героем окружающей действительности, тематику и проблематику рассказов, способ отображения характера героя с помощью разнообразных художественных средств.

Объект исследования.

Сборники рассказов Михаила Зощенко, критические статьи, посвящённые творчеству писателя, суть поднятых проблем.

Цель.

Цель данной работы – выявить наиболее характерные для писателя способы отображения действительности послереволюционного времени в России.

Задачи.

Проследить, как и с помощью каких приемов автор изображал типичного советского человека, его характер мыслей, поступки, идеологию, видение «нового времени».

Глава 1. Основные черты, характерные для творчества М. Зощенко.

1.1. Образ рассказчика и позиция автора.

Зощенко - один из первых писателей советского времени, который в качестве рассказчика выбрал самого себя, практически во всех его произведениях присутствует он сам, как мне кажется, это происходит потому, что автор всегда был человеком «от народа», его волновало всё, что происходит с его героями и с обществом в целом, поэтому он не мог, не хотел оставаться «за кадром». Писатель ищет и находит своеобразную интонацию, в которой слились воедино лирико-ироническое начало (оно является неотъемлемой частью творчества Михаила Михайловича) и интимно-доверительная нотка, устраняющая всякую преграду между рассказчиком и читателем-слушателем. Важно отметить, что время делало своё: образ героя-рассказчика, как и творчество писателя, тоже менялся, сначала это был герой-рассказчик, непосредственный участник действия, в рассказах более позднего времени повествование вовсе «обезличено», менялись герои-повествователи, стирались

различия между ними, характерные личностные черты исчезали напрочь, но не утрачивалась сама форма сказового повествования, благодаря которой создаётся «домашняя» атмосфера, хотя присутствуют массовые обращения к народу и автор настолько приближен к читателю-слушателю, что хочется слушать его бесконечно.

В зощеновских рассказах, построенных в форме сказа, можно выделить две главные разновидности. В одних персонаж совпадает с рассказчиком, в том числе фабульно: герой рассказывает о себе, сообщает подробности о своей среде и биографии, комментирует свои поступки и слова («Кризис», «Баня» и др.). В других – сюжет отделён от рассказчика, рассказчик - не главный герой, а лишь наблюдатель описываемых событий и поступков.

Повествователь связан с лицом, о котором идёт речь (с персонажем), биографически (товарищ или родственник) или идейно (собрат по классу, по убеждениям и психологии), явно сочувствует своему персонажу и «переживает» за него. По существу, рассказчик в большинстве произведений Зощенко – это одно и то же лицо, предельно близкое своим персонажам, человек, обладающий достаточно низким уровнем культуры, примитивным сознанием, стремящимся осмыслить всё происходящее с точки зрения пролетария, представителя основного социального класса, а также заодно и жителя густонаселённой коммунальной квартиры, с её мелкими дрызгами и уродливым, на нынешний читательский взгляд, бытом.

Постепенно в творчестве Зощенко индивидуальные черты рассказчика становятся всё более расплывчатыми, условными, исчезает мотивировка знакомства рассказчика с событиями, о которых он повествует, так, например, в рассказе «Нервные люди» вся предыстория ограничивается фразой «Недавно в *нашей* коммунальной квартире драка произошла». Вместо биографически-определённого рассказчика (своего рода персонажа) у Зощенко появляется безликий, с сюжетной точки зрения, повествователь, близкий к традиционному образу автора, изначально знающему всё о своих героях. Однако при этом повествование сохраняет форму сказа, хотя первое лицо может появляться в нём редко; не утрачивается и общее впечатление причастности повествователя к быту героев, к их жизненному и идейно-психологическому миру, ощущение его единства с ними.

Писателем достигается поразительный эффект: ему удаётся до предела сократить смысловую дистанцию, отделяющую автора от героя и близкого ему читателя, как бы раствориться в мире своих героев и читателей-слушателей. Отсюда и фантастическая любовь к Зощенко читателей, являющихся прототипами, а может, уже отдалённо напоминающих героев его произведений, и осуждение критиков, желающих видеть дистанцию между автором и его персонажами (прямую оценку негативных явлений, противопоставление отрицательным типажам положительных примеров, обличительный и гневный пафос). Автор как бы сливался со своими героями, отождествлялся с ними, что имело для самого Зощенко далеко идущие последствия. На первый взгляд легкомысленные и даже иногда фривольные рассказы и новеллы Михаила Зощенко не оставили равнодушными множество критиков-современников, которые наперебой принялись осуждать творчество писателя, его видение проблем, стиль и характер произведений. Так, например, в Литературной энциклопедии 1920-1930-х годов автор статьи Н. Светлов прямо писал: «Основной комический приём Зощенко - пёстрый и ломаный язык, которым говорят и герои его новелл, и сам автор-рассказчик. <...> Высмеивая своих героев, Зощенко как автор никогда не противопоставляет им себя и не подымается выше их кругозора. Один и тот же шутовской сказ окрашивает не только все без исключения новеллы Зощенко, но и его авторские предисловия, и его автобиографию. Анекдотическая легковесность комизма,

отсутствие социальной перспективы отмечают творчество Зошенко мелкобуржуазной и обывательской печатью»^[4, 342]. В том же духе писали и другие критики, и следует отметить, что каждая последующая публикация критиков приобретала всё более жёсткий характер и явно выражала крайнюю неприязнь к писателю-обывателю, оскверняющему не только «счастливый» быт простого человека, но и сеющему сомнение в уме пролетария.

Опасный смысл этой тенденции понимал и сам Зошенко, писавший: «Критика стала смешивать художника с его персонажами. Настроения персонажей <...> отождествлялись с настроениями писателя. Это была вопиющая ошибка»^[2, 10].

И, тем не менее, единство персонажей и повествователя – принципиальная установка в творчестве писателя. Автор хочет продемонстрировать такого повествователя, который не только никак не отделяет себя от героя, но и гордится своим родством с ним, своей идейной, биографической, психологической, а также бытовой близостью к нему.

1.2. Тематика и проблематика рассказов.

На что же направлена сатира М. Зошенко? По меткому определению В. Шкловского, Зошенко писал о человеке, который «живёт в великое время, а больше всего озабочен водопроводом, канализацией и копейками. Человек за мусором не видит леса»^[1, 67]. Зошенко увидел своё назначение в том, чтоб решить задачу – открыть пролетарию глаза. Это и стало впоследствии великим литературным достижением этого писателя. В своей статье «О себе, о критиках и о своей работе» Михаил Зошенко говорит о том, что он – пролетарский писатель, вернее, он пародирует своими вещами того воображаемого, но подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде. Зошенко пишет: «Темы моих рассказов проникнуты примитивной философией, которая как раз по плечу моим читателям»^[2, 42]. Этот писатель недалеко ушёл от родившей и выдвинувшей его среды. Всё, чем вооружены его герои, – это та самая «наивная философия», представляющая «адскую смесь» политической демагогии и примитивного стяжательства, узость обывательского кругозора и претензии всемирного «гегемона», мелочность и склочность интересов, воспитанных на коммунальной кухне.

Зошеновский «пролетарский писатель» разоблачает себя, он открыто даёт понять, что его творчество — это пародия на писателей-пролеткультистов, которые стремились преподнести народу перфектную идеологию мысли и трафарет поведения «истинного пролетария», «настоящего гражданина великой страны». Именно эта пародийность, а, заметьте, не подражание, делают творчество автора крайне комичным, парадоксальным и провокационным, выявляет полнейшую несостоятельность претензий идеологов мысли и рапповцев на первое место в литературе, а их героев из рабочего класса – на руководящую роль в обществе. Этот необычайный и уникальный литературно-психологический приём, разработанный и обоснованный самим писателем, Зошенко называл «перестройкой читателей».

«...Я стою за перестройку читателей, а не литературных персонажей, — отвечал Зошенко своим корреспондентам в печати. — И в этом моя задача. Перестроить литературный персонаж – это дешево стоит. А вот при помощи смеха перестроить читателя, заставить

отказаться от тех или иных мещанских и пошлых навыков – вот это будет правильное дело писателя» [2, 45].

Темы его рассказов – неустроенный быт, кухонные разборки, жизнь бюрократов, обывателей, чиновников, комичные жизненные ситуации не только в доме героя, но и в присутственных местах, где персонаж показывает себя «во всей красе», причём, он убеждён в своей правоте, т.к. является простым честным человеком, на котором «держится вся страна». Зощенко ничем не уступает маститым писателям русской литературы. Он мастерски описывает среду жизни людей 20-30-х годов, мы видим коммуналки, тесные общие кухни с чадящими примусами. Ругань и драки – нередкое явление зощеновских произведений. В рассказе «Нервные люди» ругаются соседи на кухне коммуналки; один из жителей самовольно воспользовался личной тёркой другого жильца, тот готов разорвать своего соседа и возмущённо кричит: «Я на предприятии вкалываю ну ровно слон за свои 65 рублей и нипочём не позволю пользоваться моё имущество!»

Писатель-сатирик описывает каждую «пошлую мелочь», которая может вывести из равновесия обычного пролетария. Читатель и по сей день смеётся вместе с Зощенко над беспечными женихами, готовыми жениться, даже не рассмотрев толком невесту, или же принимающих во внимание абсурдные, на современный взгляд, условия. Так, например, в рассказе «Жених» несколько дней назад овдовевший Егорка Басов выбирает себе невесту исключительно для работы в огороде, т.к. «время было горячее - косить, носить и хлеб собирать», а жена героя удружила – померла не вовремя. Уже погрузив на телегу бабочкин скудный скарб, он вдруг замечает, что невеста прихрамывает, и нерадивый жених тут же отказывается от женитьбы, объясняя это тем, что время горячее, а она воду понесёт – расплескает всё.

Недолго думая, он скидывает на землю перину «невесты», а пока та подбирала своё имущество, Егорка Басов поскорей уехал прочь.

Вот так герои Зощенко видят для себя препятствия в каждой мелочи, и эта мелочность всех пролетариев удручает, заставляет задуматься: для чего же всё-таки пролилось столько крови в революциях, ведь всё равно суть человека осталась прежней?

Сатира, словно прожектор, высвечивает и показывает всем все недостатки, пороки общества. «Новые люди» Зощенко – это обычные люди, каких много вокруг: в перенаселённой коммунальной квартире, в магазинной очереди, в трамвае, в бане, театре, везде. «...Я взял если не типичного обывателя, то, во всяком случае, человека, которого можно найти во множестве. Эти люди обезличены долгой жизнью в унижительных условиях, при этом они не всегда осознают причину своей обезличенности».

Итак, в рассказах М. Зощенко просматривается с одной стороны, низкий уровень культуры, сознания, морали героев, хамоватость, нахрапистость завоевателя; с другой – вдалбливание в сознание средствами коммунистической пропаганды и агитации чувства классового превосходства над «аристократами» и «буржуями», интеллигенцией, убеждённость в своей пролетарской «чистопородности», которая автоматически делает человека выше, лучше.

В этом – одно из основных противоречий времени, определяющих проблематику рассказов Зощенко.

«Новый человек» до мозга костей проникся новой жизнью, он считает себя неотъемлемой частью этого мира, но, по сути, оказывается новым лишь по форме, с чисто внешней стороны, но изнутри он остаётся прежним, мало чем изменившимся, ничего не понимающим в политике, зато активно включенным в общественные отношения – резко политизированные, наполненные пафосом, агитационные. Произошло разрушение прошлых устоявшихся в дореволюционное время ценностей и норм.

Герои таких рассказов, как «Богатая жизнь», «Жертва революции», «Аристократка», «Нервные люди», «Пациентка», «Хозрасчёт», «Рабочий костюм», «Прелести культуры», «Монтёр», — люди недалёкие, не очень грамотные, лишённые определённых нравственных и политических устоев, идейных принципов. Люди эти – граждане новой России, втянутые революцией в водоворот истории, ощутившие свою причастность к ней, добровольно быстро усвоили все практические выгоды и социальные последствия своего нового, классово-привилегированного положения «трудящихся», «простых людей» из низов, «новых людей», представляющих советское общество.

1.3. Двадцатые годы глазами героев Михаила Зощенко.

Жизнь общества двадцатых годов прошлого века можно изучать по произведениям Михаила Зощенко, пестрящим разнообразием характеров, образов, сюжетов. Автор считал, что его книги должны быть понятны самому народу, поэтому писал простым языком, языком улиц, коммунальных квартир, обывателей. «...Зощенко заставляет увидеть за автором некое новое литературное право – говорить «от себя», но не своим голосом». Автор, как художник, тщательно вырисовывает действительность 20-х годов. В юмористических рассказах Зощенко читатель может ощутить «...подспудную печаль, едва уловимый намёк на присутствие философствования о жизни, появившийся в неожиданной и непривычной форме».

Зощенко четко подмечает пережитки старого строя. Сознание людей невозможно изменить сразу. Зощенко иногда работал в совхозе, сталкивался с тем, что крестьяне принимали его за барина, низко кланялись и даже целовали руки. И это случалось уже после революции. Крестьянская масса до сих пор четко не представляла себе, что такое революция, не была образованной и продолжала жить по-старому.

Часто люди в революции видели вседозволенность, безнаказанность за совершённые поступки. В рассказе «Тормоз Вестингауза» «малость окосевший» герой хвалится, что в силу его происхождения ему все с рук сойдет. Он срывает тормоз поезда, но машина не останавливается. Герой приписывает такую безнаказанность исключительности своего происхождения. «... Пущай публика знает, - происхождение очень отличное». На самом деле герой остается безнаказанным, так как тормоз неисправен.

Простому народу трудно увидеть всю историческую значимость революционных событий. Например, Ефим Григорьевич в рассказе «Жертва революции» воспринимает это масштабное событие через призму натертых полов. «Натер я им (графу – О.М.) полы, скажем, в понедельник, а в субботу революция произошла...». Ефим Григорьевич спрашивал у прохожих, что случилось. Те отвечали, что «Октябрьская революция. Он бежит по военному городку с тем, чтобы сообщить графу, что часики Ефим Григорьевич положил в кувшин с пудрой».

Зощенко отмечал, что революция простыми людьми не осознавалась как эпохальное событие. Для Ефима Григорьевича важнее его личные переживания, никак с событиями перемен в стране не связанные. О революции он говорит мимоходом, вскользь. Она

«...сужается до размеров ничем не примечательного, едва нарушившего ритм жизни события». И только потом герой горделиво причисляет себя к общей массе людей, принимавших непосредственное участие в революции.

Зощенко пытался проникнуть в жизнь и сознание простого человека. Инертность человеческой природы стала главным объектом творчества писателя. Социальный круг был велик: рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенты, нэпманы и «бывшие». Зощенко разоблачает особый тип сознания, мещанский, который не определяет сословие, а становится нарицательным для всех. В сцене в вагоне («Гримаса НЭПА») отражен ответ широкого общественного движения 20-х годов за выполнение норм «Кодекса труда». Видя грубую эксплуатацию старухи, люди в вагоне понимают, что нарушена норма в отношении «старослужащего человека». Но когда оказывается, что оскорбляемая старуха «всего-навсего преподобная мамаша», ситуация меняется. Обидчик становится обвинителем, ссылаясь на «Кодекс труда». Этот документ служит для прикрытия хамства и цинизма. Взятый вне официальных рамок мир утрачивает свое значение.

Персонажам Зощенко свойственно самодовольное чувство причастности к событиям века. «Даже вот когда в эпоху военного коммунизма НЭП вводили, я не протестовал. НЭП так НЭП. Вам видней». («Прелести культуры»)^[3, 302]. Зощеновский «маленький человек» в рамках новой культуры уже не считает себя таковым, а говорит, что он средний. Ему свойственно горделивое отношение к делу, причастность к эпохе. «Мало ли на свете делов у среднего человека!» — заявляет он. Глубоко скрытый морализм писателя за его скрытыми сатирическими сюжетами показывает стремление автора к реформации нравов в новых условиях. Он затрагивает проблему гибели человеческого в человеке. Теперь человек новой эпохи чувствует себя выше «буржуев», отпрысков старого мира. Но внутренне он остается прежним, с его пороками, жизненными победами и неудачами.

Идеология большевизма воспевала среднего рабочего, видела в нём опору мира, и поэтому маленькие, казалось бы, люди, заявляют о себе гордо, не из-за личных заслуг, а прикрываясь идеологией. «Если собрать все сатирические рассказы писателя 20-х годов в одно повествование, перед взором читателя предстанет картина общественного разложения, распада всех связей, извращение принципов и ценностей, деградация человека под влиянием бесчеловечных условий и событий»^[6, 161].

Зощенко подвергался нападкам со стороны властей и подчинённых им писателей. Многие критики 20-х годов видели в зощеновском человеке героя старого времени, необразованного, себялюбивого, скупого, наделенного всеми людскими пороками, которые свойственны только людям старой культуры. Другие же считали, что Зощенко воплощает то, как жить не следует, что человеку на пути построения коммунизма мешает его мещанская природа.

Автор обращается к общечеловеческим темам, разоблачает пошлость, низость поступков людей. Произведения Зощенко отражают быт людей, их взаимоотношения, повседневные нужды, осознание новой действительности. Так, зощеновский человек живет в недостойных для него условиях, автор часто подчеркивает бедность быта обывателей. Неустроенность быта людей наблюдается во всем. В рассказе «Любовь» автор делает акцент на неспособность маленького человека с его мещанским сознанием испытывать высокое чувство.

Глава 2. Художественное своеобразие рассказов Михаила Зощенко.

2.1. Особенности механизма смешного в творчестве писателя.

Главным открытием прозы Зощенко были его герои, люди самые обыкновенные, неприметные, не играющие, по грустно-ироническому замечанию писателя, «роли в сложном механизме наших дней»^[2, 38]. Эти люди далеки от понимания причин и смысла происходящих перемен, не могут в силу своих привычек, взглядов, интеллекта приспособиться к складывающимся отношениям между обществом и человеком, между отдельными людьми, не могут привыкнуть к новым государственным законам и порядкам. Поэтому попадают в нелепые, глупые, а порой тупиковые ситуации, из которых самостоятельно выбраться не могут, а если им это всё-таки удаётся, то с большими моральными и физическими потерями.

В литературоведении укоренилось мнение считать героев Зощенко мещанами, ограниченными людьми, которых сатирик бичует, высмеивает, подвергает «резкой, уничтожающей»^[5, 52] критике, помогая человеку «избавляться от морально отживших, но ещё не утративших силу пережитков сметённого революцией прошлого»^[5, 52]. Зощенко писал, что своим смехом он хочет зажечь небольшой фонарь, при свете которого некоторым людям стало бы заметно, «что для них хорошо, что плохо, а что посредственно»^[2, 131]. В рассказе «Бедность» рассказывается о плюсах и минусах электрификации, провели свет в доме, а кругом «гниль и гнусь: тут туфля чья-то рваная валяется, тут обои отодраны и клочком торчат, тут клоп рысью бежит – от света спасается, тут плевок, тут окурок, тут блоха резвится...»^[3, 72]. Рассказ показателен тем, что люди порой не видели смысла в улучшении жизни, как только свет падал на их жизнь и среду обитания, то становится «смотреть на такое зрелище грустно и руки опускаются».

Древнегреческий философ Платон, демонстрируя своим ученикам, как ведёт себя человек под влиянием тех или иных жизненных обстоятельств, брал марионетку и дёргал за нити, и она принимала неестественные позы, становилась уродливой, жалкой, смешной. Зощеновские персонажи, подобны этой марионетке, а быстро изменяющиеся обстоятельства (законы, порядки, общественные отношения и др.) к которым они не могут приспособиться и привыкнуть, суть нити, делающие беззащитными или глупыми, жалкими или безобразными, ничтожными или спесивыми. Всё это вызывает комический эффект, а в сочетании с просторечьями, жаргонизмами, словесными каламбурами и ляпсами, специфическими зощеновскими словечками и выражениями («аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место», «мы за дырками не приставлены», «что пардон, то пардон», «извольте видеть» и др.) вызывают в зависимости от их концентрации улыбку или смех, которые должны, по замыслу писателя, помочь человеку понять, что «хорошо, что плохо, а что посредственно».

Что же это за обстоятельства (нити), которые так безжалостны к героям Зощенко? В рассказе «Баня» — это порядки в городском коммунальном хозяйстве, основанные на пренебрежительном отношении к простому человеку, который может позволить себе ходить только в «обыкновенную» баню, где за вход берут «гривенник». В такой бане «дают два номерка. Один за бельё, другой за пальто с шапкой. А голому человеку куда номерки девать?» Вот и приходится посетителю привязывать «к ногам по номерку, чтобы не враз потерять». И неудобно посетителю, «номерки по пяткам хлопают – ходить скучно», выглядит он смешно и глупо, но что остаётся делать... «не ехать же... в Америку».

В рассказах «Медик» и «История болезни» — низкий уровень медицинского обслуживания. Что остаётся делать больному, как не обращаться к знахарю, если ему угрожает встреча с врачом, который «операцию погаными руками произвёл», «с носа очки обронил в кишки и найти не может» («Медик»)? В «Истории болезни» больной вынужден мыться в ванне со

старухой, так как медсестра объясняет подобное тем, что у этой старухи высокая температура, и она ни на что не реагирует.

В миниатюре «Кошка и люди» жильцы вынуждены жить в квартире с печкой, от которой «семья всегда угорает». Где искать управу на «чёртов жакт», который «починку производить отказывается. Экономит. Для очередной растраты»?

Персонажи М. Зощенко, как послушные марионетки, безропотно подчиняются обстоятельствам. Будучи оптимистом, Зощенко надеялся, что его рассказы сделают людей лучше, а те, в свою очередь, — общественные отношения. Оборвутся «нити», делающие человека похожим на бесправную, жалкую, духовно убогую марионетку.

Всё, что так смешно читателю, на самом деле грустно, и порой кажется беспросветным, но автор надеется, что через сатиру, резкие ремарки и характеристики сможет направить людей на улучшение себя самих и мира вокруг.

2.2. Роль предметной детали в показе ущербности отношений между мужчиной и женщиной.

М. Зощенко писал много и о любви, в «Голубой книге» этой теме посвящён целый раздел, но и в некоторых сатирических рассказах, не вошедших в него, тоже можно проследить линию любовных отношений между мужчиной и женщиной. Автор не забывает, что даже когда наступило «новое время», когда Россия встала на «великий путь коммунизма», персонаж, как и прежде, нуждается в возвышенных чувствах, таких, какие воспевались в сентиментальных любовных романах. Но вдруг оказывается, что простой пролетарий не способен на подобные чувства, хотя сам этого не осознаёт.

В начале рассказа обычно автор представляет читателю некую идиллию: двое любящих или симпатизирующих друг другу людей пытаются завязать романтические отношения, главный герой демонстрирует избраннице красивые чувства, благие намерения, способность к самопожертвованию, но как только герои встречаются на своём пути какие-либо мелкие, по сути даже ничтожные помехи, любовная дымка рассеивается, и персонаж демонстрирует всем своё невежество и убогость чувств. Причём вся трагедия заключается в том, что герой не осознаёт этого, он уверен, что являет собой образец «нового человека», а на самом деле он ущербный «субъект», с неискоренимыми никакой новой идеологией мелкобуржуазными замашками. Так, в рассказе «Любовь» герой Вася Чесноков идёт провожать после вечеринки молодую особу, влюблённый до безумия Вася желает предоставить Машеньке доказательства своих нежных чувств к ней: «Вот скажите, ляgte, Вася Чесноков, на трамвайный путь и лежите там до первого трамвая, я, ей Богу, лягу! Потому как испытываю к вам самые нежные чувства». Машенька смеётся, а он продолжает: «Вот вы смеётесь и зубки скалите, а я всё равно вас очень, так сказать, обожаю. Вот прикажите только, прыгни, Вася Чесноков, с моста, я ведь и впрямь прыгну!». Вася подбежал к перилам и *сделал вид*, что лезет. Но тут вдруг появляется тёмная фигура, которая подходит к парочке и, угрожая, заставляет Васю отдать пальто и ботинки. Деваться герою некуда, но при этом некогда самоотверженный «рыцарь» начинает бормотать: «...у

ей и шуба, и калоши, а я раздевайся...». После того, как грабитель скрылся, Вася оставил девушку, при этом гневно заявив: «Я же её и провожай, я же и имущества лишайся!...». Благодаря этому диалогу автор достигает свойственного ему трагикомического эффекта.

Повесть "О чем пел соловей" представляет тонко пародийно стилизованное произведение, излагающее историю объяснений и томления двух жарко влюбленных героев. Не изменяя канонам любовной повести, автор посылает испытание влюбленным, хотя и в виде детской болезни (свинки), которой неожиданно тяжело заболевает Былинкин. Герои стойко переносят это грозное вторжение рока, их любовь становится еще прочнее и чище. Они много гуляют, взявшись за руки, часто сидят над обрывом реки с несколько несолидным названием – Козявка.

А чем объясняется печальный итог в повести "О чем пел соловей"? У Лизочки не оказалось мамашинного комода, на который так рассчитывал герой. Вот тут-то и вылезает наружу «мурло мещанина», которое до этого — правда, не очень искусно — прикрывалось «галантерейным» обхождением.

Зошенко пишет великолепный финал, где выясняется истинная стоимость того, что вначале выглядело трепетно-великодушным чувством. Эпилогу, выдержанному в элегических тонах, предшествует сцена бурного скандала.

В структуре стилизовано-сентиментальной повести Зошенко проступают едко саркастические вкрапления. Они придают произведению сатирический колорит, причем, в отличие от рассказов, где Зошенко открыто, смеется, здесь писатель, пользуясь формулой Маяковского, улыбается и издевается. При этом его улыбка чаще всего грустно-печальная.

Именно так строится эпилог повести "О чем пел соловей", где автор наконец-то отвечает на вопрос, поставленный в заглавии. Как бы возвращая читателя к счастливым дням Былинкина, писатель воссоздает атмосферу любовного экстаза, когда разомлевшая "от стрекота букашек или пения соловья" Лизочка простодушно допытывается у своего поклонника:

- Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

- Жрать хочет, оттого и поет".

Своеобразие "Сентиментальных повестей" не только в более скучном введении элементов собственно комического, но и в том, что от произведения к произведению нарастает ощущение чего-то недоброго, заложенного, кажется, в самом механизме жизни, мешающего оптимистическому ее восприятию.

Ущербность большинства героев "Сентиментальных повестей" в том, что они проспали целую историческую полосу в жизни России и потому, подобно Аполлону Перепенчуку ("Аполлон и Тамара"), - Ивану Ивановичу Белокопытову ("Люди") или Мишелю Синягину ("М.П. Синягин"), не имеют будущего. Они мечутся в страхе по жизни, и каждый даже самый малый случай готов сыграть роковую роль в их неприкаянной судьбе. Случай приобретает форму неизбежности и закономерности, определяя многое в сокрушенном душевном настрое этих героев.

Фатальное рабство мелочей вытравляет человеческие начала у героев повестей "Коза", "О чем пел соловей", "Веселое приключение". Нет козы - и рушатся устои забежского мироздания, а вслед за этим гибнет и сам Забежкин. Не дают мамино комода невесте - и не нужна сама невеста, которой так сладко пел Былинкин. Герой "Веселого приключения" Сергей Петухов, вознамерившийся сводить в кинематограф знакомую девицу, не обнаруживает нужных семи гривен и из-за этого готов прикончить умирающую тетку. В рассказе «Любовь» автор делает акцент на неспособность маленького человека с его мещанским сознанием испытывать высокое чувство. Отношения с родственниками и друзьями также складываются на основе мещанской выгоды.

Художник рисует мелкие, обывательские натуры, занятые бессмысленным коловращением вокруг тусклых, линиялых радостей и привычных печалей. Социальные потрясения обошли стороной этих людей, называющих свое существование "червяковым и бессмысленным". Однако и автору казалось порою, что основы жизни остались непоколебленными, что ветер революции лишь взволновал море житейской пошлости и улетел, не изменив существа человеческих отношений.

2.3. Языковые особенности рассказов.

Рассказы М. Зощенко 20-х годов разительно отличаются от произведений других известных авторов как его современников и предшественников, так и более поздних. И основное отличие состоит в том неповторимом, можно сказать, уникальном языке, который писатель использует не для прихоти и не потому, что так произведения приобретают наиболее нелепую, свойственную сатире окраску. Большинство критиков негативно отзывались о творчестве Зощенко, и во многом причиной тому был ломаный язык.

«Обычно думают, - писал он в 1929 году, - что я искажаю "прекрасный русский язык", что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмеить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица. Я говорю - временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно» [2, 45].

Писатель старается создать как можно более комичный персонаж с помощью нелепых, на наш взгляд, оборотов, неправильно произнесённых и употреблённых в совершенно не подходящем контексте слов, ведь главной фигурой творчества Зощенко является мещанин, малообразованный, тёмный, с мелкими, пошлыми желаниями и примитивной жизненной философией.

Комического эффекта Зощенко часто достигает обыгрыванием слов и выражений, почерпнутых из речи малограмотного мещанина, с характерными для нее вульгаризмами, неправильными грамматическими формами и синтаксическими конструкциями ("плитуар", "окромья", "хресь", "етот", "в ем", "брунеточка", "пельсинные корки, с коих блюёшь сверх меры", "для скусу", "хучь плачь", "собачка системы пудель", "животная бессловесная", "у плите" и т.д.).

Одной из характерных черт в сатире Зощенко было использование его героями иностранных слов, о значении которых, они, герои, конечно, только догадывались, в силу своего узкого кругозора. Так, например, в рассказе «Жертва революции» бывшая графиня

билась в истерике из-за пропажи золотых часиков, часто употребляла французское выражение *comme si comme ça*, что в переводе означает «так себе», причём было оно совершенно неуместно, что придавало диалогу комический и нелепый смысл:

— Ах, — говорит, — Ефим, комси-комса, не вы ли спёрли мои дамские часики, обсыпанные брильянтами?

— Что вы, — говорю, — что вы, бывшая графиня! На что, — говорю, — мне дамские часики, если я мужчина! Смешно, — говорю. — Извините за выражение.

А она рыдает.

— Нет, — говорит, — не иначе, как вы спёрли, комси-комса.

Причём, важно также отметить, что герои произведений, даже несмотря на своё более или менее знатное происхождение, сочетают жаргон с напускными манерами. Зощенко тем самым указывает на невежество, которое уже нет надежды искоренить в этом поколении.

Некоторые писатели пытались писать «под Зощенко», но они, по меткому выражению К. Федина, выступали просто как плагиаторы, снимая с него то, что удобно снять, – одежду. Однако они были далеки от постижения существа зощеновского новаторства в области сказа.

Зощенко сумел сделать сказ очень емким и художественно выразительным. Герой-рассказчик только говорит, и автор не усложняет структуру произведения дополнительными описаниями тембра его голоса, его манеры держаться, деталей его поведения.

Многие фразы М. Зощенко стали крылатыми, поклонники его творчества, а также те, которые просто видели известнейшую экранизацию его рассказов «Не может быть», используют столь своеобразные и ёмкие фразы и в обыденной жизни.

Тем не менее, такой непривычный и ломаный язык является лишь вспомогательным средством, внешней косметической оболочкой его произведений. Постепенно писатель уйдёт от выбранной им манеры описания действия с помощью ярких речевых, неправильно построенных оборотов и неграмотного искажённого языка. Зощенко понимал, что за острой сатирой, за нагромождёнными пошлыми, мещанскими фразовыми оборотами не видно сути, злободневности и угрозы той проблемы, которая действительно волнует автора

В середине 30-х годов писатель заявлял: "С каждым годом я все больше снимал и снимаю утрировку с моих рассказов. И когда у нас (в общей массе) будут говорить совершенно изысканно, я, поверьте, не отстану от века"^[2, 34].

Заключение

Творчество Михаила Зощенко - самобытное явление в русской советской литературе. Писатель по-своему увидел некоторые характерные процессы современной ему действительности, вывел под слепящий свет сатиры галерею персонажей, породивших

нарицательное понятие "зощенковский герой". Находясь у истоков советской сатирико-юмористической прозы, он выступил создателем оригинальной комической новеллы, продолжившей в новых исторических условиях традиции Гоголя, Лескова, раннего Чехова. Наконец, Зощенко создал свой, совершенно неповторимый художественный стиль.

Основные черты, характерные для его творчества 20х-30х г.г., — это доверительная нотка, присутствующая в каждом его произведении, читатель всегда ощущает близость автора, который в свою очередь, уважает и любит своего читателя. Жизнь простых людей описана в его рассказах и новеллах детально, по его героям можно судить не только о времени, в которое они жили, но и об их мышлении. Быт — ограниченное пространство для ограниченного пролетария, который ещё не понял всю значимость революций XX века, не желает вырваться на свободу, стать лучше, взглянуть на свои поступки со стороны вместо того, чтоб повсеместно пытаться кулаками и бранью доказать свою значимость.

Зощенко знал, кто его читатель, поэтому он не желал описывать чуждую народу обстановку, невероятные ситуации и неординарных людей, всё его творчество насквозь пронизано желанием сблизится с читателем, войти к нему в доверие, для этого он использует жаргонные выражения и непосредственное общение с читателем в форме сказа. Одну из главных задач своего творчества он видит в том, чтоб высветить как прожектором все недостатки человека, всю ущербность мировоззрения, неспособность на высокие чувства и самопожертвование. Рабство мелочей не дает возможности героям почувствовать себя счастливыми, несмотря на «неидеальную систему», она ставит их в тупик, не давая развиваться и меняться в лучшую сторону. А обрамляет всё это мелкобуржуазное мышление экспрессивная, с ярким негативным оттенком, порой бранная характеристика героев, претендующих на звание основного избранного класса.

Автор старается донести до читателя всё, что он видел вокруг, за что переживал и желал исправить, хотел повлиять на мир вокруг него в отдельно взятой любимой стране, но понимал, что должно пройти гораздо больше времени, чем те десять минут, которые требуются для прочтения его сатирического рассказа.

Библиография

1. Белая Г. А. Закономерности стилевого развития советской прозы. М., Наука, 1977.
2. Зощенко М. О себе, о критиках и о своей работе. - В кн.: Михаил Зощенко. Статьи и материалы. Л., Academia, 1928.
3. Зощенко Михаил. 1935-1937. Рассказы. Повести. Фельетоны. Театр. Критика. Л., ГИХЛ, 1940.
4. Каган Л. Зощенко. Литературная Энциклопедия. М., 1930, Т. 4.
5. Федин К. Писатель. Искусство. Время. М. Современный писатель, 1973.
6. Шнейберг Л. Я., Кондаков И. В. От Горького до Солженицына. «Маленький человек» как зеркало советской действительности., Высшая школа, 1994.

